

II. Развитие охраны культурного наследия

Предпосылки охраны культурного наследия

Уже вкратце упоминалось, что чаще всего история охраны культурного наследия понимается как скрупулезное описание структуры и работы самих охранных институций. Но в действительности это не всегда помогает понять предпосылки и причины такой своеобразной деятельности. Поэтому прежде всего нужно прибегнуть к антропологическому взгляду на эту проблему и попытаться понять, что является глубинным стимулом интереса к такого рода вещам.

По мнению французского антрополога Оливье Пуассона¹, надо в первую очередь поинтересоваться, каким образом общество определяет то, что в дальнейшем будет считаться практикой охраны наследия. Он предлагает взглянуть на этот вопрос через призму того, как община относится к территории, на которой проживает. Таким образом, антрополог выделяет несколько категорий, имеющих значение для понимания функционирования сохранения культурных ценностей.

1. Везде и всегда существовали объекты, которые осуществляли и воплощали связи общин с их природным окружением. Они отождествляли коллективный опыт, идентичность и культуру. Но в этой среде всегда существовали и старинные сооружения, здания или структуры (мегалиты, курганы, фортификации), которые никоим образом не были связаны с проживающей здесь общиной, поэтому их происхождение объяснялось мифологически (например, камни чертей, ведьм) или они дискурсивно «перебрасывались» в другие исторические времена и приписывались деятельности других групп. Это, хотя часто и неправильное, чувство **дистанции** можно считать первым импульсом для формирования понятия охраны старины.

2. Почти везде люди сталкивались со следами ранее существовавших цивилизаций или культур, реликты которых пробуждали их интерес и любопытство. В Западной Европе это были следы античной цивилизации – Римской империи, которые сыграли важную роль в европейской истории искусства и техники. В данном случае они выступали как модели и символы высшей культуры. Поэтому с памятниками прошлого всегда существовали особенные связи, то, что можно назвать своеобразным феноменом **отсутствия-присутствия** (*absence – presence*). Это значит, что, несмотря на утраченную первичную функцию, такие предметы старины своим физическим существованием влияли на развитие тогдашней культуры, архитектуры и искусства. Начиная с раннего средневековья в Европе постоянно происходило переосмысление значимости античных культурных ценностей. Их цитировали, копировали или находили им новое предназначение. Разнообразные связи с этими объектами варьировали от отказа, презрения, забвения (амнезии) к уже упомянутому переосмысленному использованию, опеке, таким образом делая их потенциальными объектами наследия.

3. Можно также заметить, что актуализация проблемы культурного наследия обостряется как раз в периоды социальных **кризисов** (по мнению специалистов, на появление современной системы охраны наследия большое влияние оказала Великая французская революция). И это не случайность. В ситуации, когда быстро меняются связи общества с его привычным окружением, когда грубо отбрасываются привычные ценности и социальные нормы, происходят кризисы, которые требуют пересмотра традиционных связей. Возможным вариантом такого пересмотра может стать физическое уничтожение реликтов прошлого или, наоборот, признание их важной частью наследия. Известно множество исторических примеров такой логики. Так, в начале XVII в. повысился интерес к объектам сакрального наследия католицизма в постреформационной Западной Европе, как раз в это время рождается понятие и практика архитектурной реставрации.

¹ Olivier Poisson, Pour une histoire des monuments historiques, *Domestiquer l'histoire...*, p. 172-176.

4. Для успешного развития процесса создания наследия необходимо, чтобы наследуемые объекты признали ценностями не только специалисты, но и само общество. Здесь важна популяризация памятников, которой способствуют всякого рода техники **мультипликации и распространения образов** (от литографии до CD).

Интересно, что выявленное антропологом понятие дистанции можно считать амбивалентным. Нам действительно нужна своего рода хронологическая и/или психологическая дистанция, чтобы оценить значение предмета, который, например, долго употреблялся в быту, в повседневности и которому не придавали особого эмоционального смысла. Но дистанция может быть и слишком большая, когда утрачены все связи с этим предметом и он больше ничего не значит или, хуже, становится слишком чуждым, непонятным. Поэтому для признания культурной ценности объекта важна не только дистанция, но и своего рода культурная и эмоциональная **преемственность**, позволяющая считать этот объект своим, заслуживающим внимания и сохранности.

Некоторые признаки охраны наследия можно обнаружить уже в античную эпоху, хотя доминировали, скорее, противоположные тенденции. С давних пор повсеместно практиковалась перестройка старых зданий и использование их частей при новостройках. До начала индустриальной эпохи «своим» наследием занимались лишь несколько общественных слоев и элитарных институтов: монархия, аристократия, Церковь².

Монархии и аристократии вообще присущ повышенный интерес к сохранению специфического образа жизни и мышления, к истории собственного рода. Статус аристократа как ничто иное зависит от древности его титула. Не случайно представители этого слоя и поныне интересуются историей, археологией и активно участвуют в процессе исследования наследия. Ученые замечают, что эти интересы оказали влияние на «заражение» любовью к древностям и более широких общественных слоев Западной Европы.

Французский специалист по охране наследия Ж.-М. Ленъё утверждает, что уже в античности можно встретить весь спектр близких нам практик охраны наследия. Например, из той эпохи до нас дошел и первый список ценностей всемирного наследия – семь Чудес света, впервые упомянутые в V в. в «Истории» Геродота и отражающие намерение Александра Великого культурно объединить страны варваров и греков, Европу и Азию. Существование списка этих исключительных памятников позволяет говорить и о зачатках туризма античных граждан, стремившихся их увидеть. Наконец, античные источники обнаруживают зачатки рынка произведений искусства, деятельности коллекционеров, реставраторов, первые случаи вмешательства государства как инициатора и финансового спонсора охранных работ³.

Однако большинство исследователей единодушны в том, что, несмотря на эти единичные эпизоды, только Ренессанс оказал решающее влияние на появление зачатков многих гуманитарных дисциплин. Ибо только тогда становится, по сути, очевидным различие между прошлым и настоящим. Начатые в то время тщательные исследования античных древностей и письменных источников побуждают гуманистов преувеличивать отличие средневековья от настоящего времени, не говоря уж об эпохе античности.

Потребовалось немало времени, пока античное наследие перестало быть только эстетически соблазнительным или, наоборот, опасным для христианской веры. Только в эпоху Ренессанса в полном масштабе ощутилась необратимость языческой эпохи, т.е. проявилась четкая дистанция с прошлым. Многочисленные свидетельства позволяют зафиксировать примерно в середине XV в. повышение дистанцированного и эстетического интереса к античному наследию, которое, сконцентрировавшись на античных сооружениях, трансформирует их в объекты рефлексии и созерцания. Появившиеся в Италии в период художественного и интеллектуального Возрождения историки и исследователи искусства положили начало концептуализации истории как самостоятельной дисциплины и осознанию искусства как автономной деятельности. Эти условия были обязательными для формирования понятия «исторический памятник».

² J.-P. Babelon, A. Chastel, La notion du patrimoine, *La Revue de l'Art*, 1980, nr. 49, p. 5-31.

³ Jean-Michel Leniaud, Voyage au centre du patrimoine, *Domestiquer l'histoire...*, p. 187.

Для гуманистов Ренессанса материальные реликты античности стали получившим политическое значение объектом, иллюстрирующим величие Рима периодов империи и утверждения христианства. Они стали считаться иного рода посредниками между прошлым и настоящим, чем письменные источники, тем самым свидетельствуя о реальности исчезнувшего времени⁴, хотя споры между антикварами и литераторами по поводу первичности того или иного рода источников в тот период были довольно напряженными.

Начинаются тщательные и обязательные для более продвинутых представителей искусства исследования античного наследия, сопровождаемые ритуальными путешествиями в Рим. Во второй половине XV в. итальянские художники начинают интересоваться развалинами древних зданий, они часто присутствуют на фоне их картин. Появляются специализации по антикварному делу, ставшие основой для формирования вспомогательных исторических дисциплин.

Хотя начавшее формироваться в период Ренессанса новое видение истории оказало большое влияние на развитие мысли об охране наследия, последнее осталось намного ближе археологии и музееведению. Можно даже утверждать, что эта близость возникла из единого источника – *антикваризма*, который считается первым сознательным интеллектуальным усилием по сбору, хранению, классификации и накоплению информации о культурных ценностях – чаще всего движимых и, особенно, художественных произведениях. Однако это понятие остается недостаточно ясным: должны ли мы считать антикваризмом любое коллекционирование? Иначе говоря, свойственную человеку деятельность, исторические свидетельства которой относятся к древности? Или важно только возникшее в эпоху Ренессанса движение интеллектуалов-эрудитов, пытающихся полностью собрать, хранить и попытаться научно классифицировать материальные реликты культур прошлого (больше всего, конечно, греко-римской)?

Кажется, эти две интерпретации по сути не противоречат друг другу. Как бы то ни было, коллекционирование, несомненно, является древнейшей практикой охраны наследия⁵. Кстати, стоит упомянуть, что антикваризм некоторыми авторами считается не определенным этапом исторического развития охраны наследия, а просто специфически надвременной установкой по отношению к прошлому, не исчезнувшей и сегодня (ведь и поныне существуют антаквариаты и профессия антиквара).

Таким образом, в эпоху Ренессанса формируются зачатки современной охраны памятников. Первую фазу процесса «создания наследия» Ф. Шоэ называет «антикизирующей», поскольку внимание к материальным реликтам прошлого в то время концентрировалось исключительно на античных сооружениях и художественных произведениях⁶. В эпоху Ренессанса наблюдалось пренебрежительное отношение ко всему, что не принадлежит античному стилю; Г. Вазари даже создал уничижительный термин «готика».

С XVI в. появляются отдельные работы по реставрации, вызвавшие дебаты занимавшихся этим художников о том, что важнее в античных произведениях: художественная или временная ценность? Больше всего внимания уделялось приведению в порядок разрушенных античных скульптур. По отношению к ним сформировались две стратегии поведения: 1) *консервационная*, требующая оставлять куски разбитых статуй как есть, и 2) *реставрационная*, стремящаяся вернуть предметам вид, который они могли бы иметь в древности⁷. Эти работы еще не представляли собой реставрации в современном смысле, а скорее – эстетическую реинтеграцию, опирающуюся на гипотезы о несохранившейся их оригинальной форме. Хотя господствовала вторая тенденция, однако были и примеры консервационного направления, например торс Геракла Бельведерского многими знатоками считался совершеннейшим произведением скульптуры этого рода.

⁴Американский социолог Д. Бартель удачно назвала потребность прикоснуться к материальным реликтам прошлого («to get in touch with history»), чтобы удостовериться в реальности этого прошлого, «синдромом апостола Фомы». См.: Diane Barthel, *Historic Preservation: Collective Memory and Historical Identity*. New Jersey: Rutgers University Press, 1996.

⁵Хотя существуют и мнения, связывающие истоки охраны наследия с культом священных реликвий. Подробнее см.: J. Jokilehto, *A History of Architectural Conservation...*, p. 7-8.

⁶Françoise Choay, *L'allégorie du patrimoine...*, p. 49-70.

⁷Jukka Jokilehto, *A History of Architectural Conservation...*, p. 21-39.

Кроме Рима, историческое наследие которого стало восприниматься как чрезвычайно важное не только для Италии, но и для всей Европы, в XVII в. внимание к древностям стало проявляться и в северных странах, таких как Англия и особенно Швеция, которые начали поиск своих исторических корней⁸.

Шведский король Густав Адольф поддерживал интерес аристократии к древностям и в 1630 г. учредил должность государственного антиквара, а в 1666 г. Карл XI подписал *Декрет о древностях* (*Antiquities Ordinance*), первый документ об охране наследия, появившийся за пределами Италии. В декрете отмечалась особенная мемориальная ценность вещей правящих кругов и знати. Во многом повторяя дух римских указов, издававшихся когда-то императорами, а позднее папами, этот документ имел целью продемонстрировать статус Швеции как «крупной империи». Наряду с юридической охраной в Швеции были предприняты первые попытки научного исследования древностей после учреждения в 1668 в. *Collegium Antiquitatum*, которая позднее стала *Архивом древностей*.

В XVII в. антиквариизм становится все более популярным и модным далеко за пределами Италии. После утраты Римом экономического значения много собранных в нем коллекций античного искусства было продано во Францию, Англию и другие страны. В то время появились первые признаки современного туризма (особенно в Англии), быстро превратившегося в «Grand Tour», предназначенный для воспитания английских джентльменов. Кстати, эти путешественники создали посвященные туризму братства: в 1717 г. – Содружество антикваров, в 1734 г. – Содружество дилетантов (*dilettanti*), которые поначалу проявляли интерес к реликтам античности, а позднее заинтересовались и местными достопримечательностями, создавая тем самым прецедент для их исследования и охраны локального наследия.

XVII—XVIII вв. можно считать переходным периодом в развитии понятия «охрана»⁹. Тогда фиксировалась, хотя еще только косвенная и недостаточно осознанная, актуализация экономического и социального компонентов наследия. Об этом свидетельствует расширявшаяся сеть музеев и их возрастающее социальное значение, совершенствующиеся способы реставрации художественных произведений, законодательные акты в этой области, попытки каталогизации и инвентаризации древностей в отдельных странах.

Логическая классификация объектов, их вычленение из обычного окружения (деконтекстуализация) и академическая «стерилизация», внешние таксономические поиски раскрытия их структуры свойственны многим формировавшимся в то время сферам познания: археологии, музееграфии, геологии, ботанике¹⁰. Но с эпохи Просвещения начинаются системные исследования истории, истории искусства, археологии. Вследствие этого формируется новое понятие – системной каталогизации артефактов¹¹. Этому периоду свойственно и возникшее под влиянием интеллектуального движения романтизма обращение к природе, эстетическая оценка естественных и культурных ландшафтов¹². Сначала за пределами Италии проводились поиски реликтов греко-римской цивилизации, но позднее появился интерес к древним образцам раннего христианства (прежде всего опять в Италии) и местного искусства и архитектуры – объектам национальной гордости в противовес античным памятникам. Понемногу стали интересоваться и презираемым до тех пор средневековьем. Начавшиеся исследования раскрыли разнообразие и богатство стилей там, где раньше удовлетворялись общим названием «готика».

В этот период появились понятия «налет вечности – *patina*» и «живописность – итал. *pittresco*, франц. *pittoresque*, англ. *picturesque*». Первое относится к произведениям живописи, второе – к античным развалинам и средневековым храмам.

⁸ Ibid., p. 41-46.

⁹ Françoise Choay, *L'allégorie du patrimoine...*, p. 49-72.

¹⁰ *European Heritage. Planning and Management...*, p. 36.

¹¹ Eileen Hooper-Greenhill, *Museums and the Shaping of Knowledge...*, p. 133-144.

¹² Jukka Jokilehto, *A History of Architectural Conservation...*, p. 74-76.

«Живописность» и «величественность» стали любимыми выражениями эстетов и теоретиков искусства того времени. Эти черты они искали в ландшафте античных развалин, их любили изображать на картинах и гравюрах, на страницах исторических романов. Стремление поразить эстетическими эффектами особенно ярко проявилось в оформлении английских парков.

Известный итальянский историк искусства и антиквар XVII в. Джованни Пьетро Беллори (1613-1696), с 1670 г. занимавший в Риме должность комиссара древностей, заложил теоретические начала классической реставрации произведений настенной и мольбертной живописи, принципы которой позднее применял на практике Карло Маратта, отличавшийся большой осторожностью и уважением к оригиналу, а также чуть ли не первым применивший принцип реверсии. Проблемы реставрации живописи XVIII в. вызвали острые дискуссии специалистов, особенно связанные с эффектом «налета». Налет в картинах стал модным свидетелем их древности, поэтому иногда картины в коммерческих целях искусственно «старелись». Также стали научно анализироваться причины порчи и старения картин, связанные с сыростью, выцветанием, пылью, грибом. С 1745 г. в Милане даже появились лицензированные реставраторы живописи и скульптуры, что свидетельствует о их специализации и высоких требованиях того времени к профессионализму¹³.

Эпоха Просвещения оказала непосредственное влияние на дальнейшее совершенствование и модернизацию принципов охраны наследия. А.Г. Баумгартен (1714-1762) ввел в немецкую философию проблематику эстетики. Еще более важное значение имели новые концепции истории (Дж. Вико в Италии и Й. Г. Хердера в Германии). Этому периоду свойственны установка на поиск первопричин явлений, исследование мира и критический анализ любых феноменов, поскольку человек стал все больше доверять своим интеллектуальным способностям и стремился к систематизации своих знаний, чему соответствовала, например «Энциклопедия», д'Аламбера и Дидро (1751-1777).

Эпоха Просвещения обнаружила и оценила культурное разнообразие и заставила обратить внимание на проблему национальной идентичности, тем самым отметив «универсальную ценность» важнейших произведений искусства и исторических памятников, что означало и более внимательное отношение к ним и принятие ответственности за их сохранность. Немецкий историк искусства Иоганн Иоахим Винкельман (1717-1768) одним из первых взялся за критический анализ древних произведений искусства, заложив основу современной археологии и истории искусства. Он разработал методы, позволяющие отличать копию от оригинала, которые оказались полезными и в более поздней реставрационной практике. Эти методы едва ли не впервые были применены при реставрации обелиска *Montecitorio*, в котором визуально явно отличимы старые и новые части. И.И. Винкельман предлагал осторожно приниматься за реставрацию, а иногда даже отказываться от нее, чтобы старые произведения не были фальсифицированы¹⁴.

XVIII в. также отличился несколькими археологическими сенсациями, особенно после обнаружения Геркуланума (1713 г.), Помпеи (1748 г.), Пестума и Стабии (1746 г.), погребенных извержениями Везувия в 79 г. до н.э., что было известно из письменных источников и живой памяти. Это оказало влияние не только на формирование эстетики классицизма, но и положило начало качественно новому этапу интереса к прошлому.

В отличие от довольно распространенных попыток реставрации скульптуры и живописи архитектурные произведения до XIX в. почти не привлекали внимания. Хотя античными развалинами восхищались и исследовали их, мало кто заботился об их охране *in situ*. Когда в первой половине XIX в. начались работы по их реставрации, неизбежно возникли и дискуссии о ее характере и целях. Должна ли реставрация быть охранной или интервенционистской? По сути, эти вопросы остаются актуальными до сих пор.

¹³ Jukka Jokilehto, *A History of Architectural Conservation...*, p. 53-55.

¹⁴ Jukka Jokilehto, *A History of Architectural Conservation...*, p. 59-60.

Можно утверждать, что споры о том, когда и где родилась классическая система охраны наследия, продолжаются. Все зависит от того, какие критерии оценки выбрать. Например, Дэвид Харвей, как и несколько уже упоминавшихся авторов, утверждает, что «наследие» не является концептом модернизма (несмотря на мнения таких специалистов, говорящих об «обсессии наследия» в конце XX в., как Р. Хьюисон¹⁵ или Д. Лоуэнталь¹⁶). Он отмечает, что любое общество прошлого или настоящего всегда завязывает те или другие отношения с прошлым, это не только европейский или западный феномен. Однако большая часть литературы, посвященной истории профессиональной охраны наследия, связывает ее начало со второй половиной XX в. или, в лучшем случае, со второй половиной XIX в. и считает частью проекта модернизации¹⁷.

Так в каких же условиях формировался профессиональный дискурс охраны культурных ценностей, становясь теоретико-практическим каркасом современной охраны наследия?

¹⁵ Robert Hewison, *The Heritage Industry. Britain in a Climate of Decline*. London, A Methuen Paperback, 1987.

¹⁶ David Lowenthal, *Fabricating Heritage*, *History and Memory*, 1998, No. 10 (1), p. 5-24.

¹⁷ David C Harvey, *Heritage Pasts and Heritage Presents. Temporality, Meaning and the Scope of Heritage Studies*, *International Journal of Heritage Studies*, 2001, No. 7(4), p. 319-338.